

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОРПУС И ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ (1918–1920 гг.)

Анализируются отношения чехословаков, поднявших мятеж в 1918 г. в России, и военнопленных Первой мировой войны, находящихся на территории Сибири и ставших участниками Гражданской войны. Делаются выводы о значении участия чехословацкого корпуса и военнопленных-интернационалистов в Гражданской войне на территории Сибири.

Ключевые слова: Чехословацкий корпус; Гражданская война; военнопленные Первой мировой войны; интернационалисты; Сибирь; немцы; австрийцы; мадьяры.

Тема отношений чехословаков, поднявших мятеж в 1918 г., и иностранных военнопленных Первой мировой войны, находившихся в лагерях России, в частности Сибири, самостоятельной не являлась. Исследователи не брались за данную проблему даже в рамках тем, посвященных собственно иностранным военнопленным Первой мировой войны или чехословацким политическим организациям и воинским формированиям в России в годы Первой мировой войны и двух революций. Хочется отметить, что основательные исследования по истории Чехословацкого корпуса, в том числе и истории участия зарубежных интернационалистов-военнопленных в революционной борьбе трудящихся России как в период Первой мировой войны [1], так и в период подготовки социалистической революции [2, 3], относятся к 60–80-м гг. XX в., когда у советских ученых появилась возможность использовать материалы зарубежных архивов. Вопросы взаимодействия Чехословацкого корпуса с Белым движением в годы Гражданской войны в России и участие в Гражданской войне иностранных военнопленных рассматривались в исследованиях Я. Квасничка, А.Х. Клеванского [4, 5].

Ряд работ связан с Октябрьской революцией и выявлением в ней роли участия военнопленных-интернационалистов, освещены некоторые особенности их деятельности в Сибири, создание их объединений в сибирских городах, борьба против мятежа белочехов, их участие в большевистском подполье – партизанском движении, работа среди интервентов и белогвардейцев, участие в восстановлении народного хозяйства [6–14].

Создание в исторической науке обстановки терпимости к различным оценкам и точкам зрения на происходившие события и явления в отечественной истории позволили исторической науке выйти на новый рубеж в изучении как истории Чехословацкого корпуса в России, так и участия иностранных военнопленных в Гражданской войне в России. Эта проблема частично нашла свое отражение в ряде монографий, книг, научных статей [15–18], диссертаций [19–21].

Некоторые современные авторы справедливо считают, что изучение истории Чехословацкого корпуса в России необходимо для понимания соотношения в событиях Гражданской войны ролей местных антибольшевистских сил и сил иностранных интервентов, а также для оценки степени самостоятельности антибольшевистских сил [22, 23].

Выход из Первой мировой войны России после подписания Брестского мира стал катализирующим фактором наступления Гражданской войны в стране. Война вовлекла в свою орбиту часть военнопленных, отодвинула их возвращение на родину на срок до окончания военных действий между противоборствующими сторонами и установления легитимной власти в России, способной осуществить международные обязательства в отношении вопроса, касающегося прав военнопленных. Революции в Германии и Австро-Венгрии, военные действия в западных областях России также прервали переговорный процесс и эвакуацию военнопленных.

К 1917 г. в России насчитывалось более 400 лагерей военнопленных, в том числе в Иркутском военном округе – 30, в Омском – 28 [8. С. 69]. В соответствии с данными 5 делопроизводств по части военнопленных Центропленбежа на 1 января 1918 г. числилось 210 003 человека в Омском военном округе, 140 957 человек – в Иркутском военном округе [24. Л. 3 об., 4].

Многое сделали как большевики для формирования отрядов интернационалистов из военнопленных, в основном из венгров, австрийцев, немцев, так и генералы белой армии в привлечении к военным действиям против большевиков легионеров Чехословацкого корпуса. Ставка в использовании интернациональной силы была сделана на национальную неприязнь между венграми, австрийцами, немцами, с одной стороны, и чехословаками – с другой.

Выполняя обязательства перед Германией, советское правительство согласилось пропустить эшелоны Чехословацкого корпуса, которые являлись союзными войсками держав Согласия, через свою территорию до Владивостока. 26 марта 1918 г. в Пензе представители Совета народных комиссаров и Чехословацкого корпуса подписали соглашение, в котором гарантировалась беспрепятственная отправка чешских подразделений от Пензы к Владивостоку. Примечательно, что в целом Чехословацким корпусом тогда никто не командовал. Прежнего командующего корпусом русского генерала В.Н. Шокорова формально уже сменил профессор философии Т. Масарик, ни дня до этого не служивший в армии и находившийся, к тому же, в то время в Париже. Формально корпус числился уже в составе французской армии, поскольку никакой Чехословакии как государства в то время еще не было, а Российская империя, в армию которой ранее входил корпус, прекратила существование.

Начиная с лета 1917 г. был распространен слух, под явным давлением стран Центрального блока, о том, что «военнопленные организуются для захвата сибирской магистрали». 2 апреля 1918 г. Центральный исполнительный комитет (ЦИК) Советов Сибири категорически отверг претензии Антанты «о массовом вооружении военнопленных», которые нарастали [25. Л. 3]. ЦИК Советов Сибири заявил в специальном меморандуме, что «вооружаются исключительно социалисты-интернационалисты, враги империализма. Вооружение было предпринято во время начала немецкого вторжения в Россию. Прекращение военных действий с Германией, имеющее место в настоящее время, позволило использовать эти крепкие социалистические отряды для защиты рабочей республики против покушений со стороны контрреволюционеров внутри страны...» [26. С. 222].

Очевидно, что чешские подразделения рассматривались ЦИК Сибири как сторонники контрреволюционного движения против советской власти. К тому же под явным давлением со стороны посла Германии в России графа Мирбаха нарком иностранных дел Чичерин отправил 21 апреля срочную телеграмму в адрес Красноярского совета (№ 1 084): «Опасаясь японского наступления в Сибири, Германия требует немедленного и скорейшего проведения эвакуации германских пленных из Восточной Сибири в Западную или Европейскую Россию. Просим принять все меры. Чехословацкие отряды не должны продвигаться на восток». С этого момента темп продвижения чешских эшелонов по Транссибирской железной дороге замедлился, эшелоны по несколько суток простаивали почти на каждой станции.

Для наблюдения за продвижением чехословацких эшелонов по Сибирской магистрали Чешским национальным советом были назначены свои комиссары в Челябинске, Омске, Новониколаевске, Красноярске, Иркутске и Чите. «С первым проследовавшим эшелоном проехал во Владивосток Чешский национальный совет в составе: Гаусаки, Гурбаль, Дохсер и командующий чешским корпусом генерал Дитерихс» [27. Л. 3]. Когда Чешский национальный совет проезжал через Красноярск, то на вокзале его встречал представитель Красноярского губисполкома Г. Вейнбаум. «В беседе с членами Национального совета т. Вейнбаум предупредил их о том, что с продвижением чехословацких эшелонов могут быть затруднения в виду слабостью провозоспособности Сибирской магистрали и загруженностью её продовольственными грузами» [Там же. Л. 4]. Особые затруднения, по словам уполномоченного народным комиссаром по иностранным делам в Сибири Г. Вейнбаума, могли возникнуть по Амурской железной дороге, где происходили военные действия между Красной гвардией и бандами есаула Семенова. Не видя выхода из этого положения и считаясь с исполнением своих принципов, чехословаки, согласно постановлению, вынесенному на съезде их собрания командного состава, решили двигаться вперед к намеченной цели.

Первые отдельные эшелоны проехали по Сибирской железнодорожной магистрали еще в начале апреля. Ситуация была двойственной. Местные испол-

нительные комитеты были не посвящены в «большую» политику центральной власти и разбирались с проблемами, возникающими на их территории. Так, красногвардейцы, сражавшиеся против банд атамана Семенова в районе Забайкальской железной дороги, получили информацию о том, что «идут чехословаки, которые стоят на стороне Советской власти, они идут воевать против атамана Семенова, их нужно встретить как своих братьев» [28. Л. 4]. Чехи, по воспоминаниям очевидцев, встречавших один из первых эшелонов, следовавших на Восток, вели себя уверенно, когда эшелон отправился со станции Боготол, было произведено несколько выстрелов из пулеметов и винтовок в воздух [Там же. Л. 5]. Красногвардейцы это действие расценили как салют. Чехи, скорее всего, демонстрировали силу.

К маю на станции Нижнеудинск стояли два эшелона чехословацких солдат. На одном из заседаний уисполкома рассматривался план первомайской демонстрации. На утверждение был внесен порядок демонстрации, по которому впереди должны были идти рабочие железнодорожники, за ними военнопленные, а потом чехословаки. Представители чехословаков запротестовали, заявив: «У пленных немцев, мадяр и австрийцев на фуражках ещё кайзеровские кокарды, а мы вместе с русскими воевали против немцев, мы коммунисты-большевики и не желаем быть в хвосте колонны, да еще сзади военнопленных» [29. Л. 5]. Требование их было удовлетворено, на демонстрации они шли за рабочими депо, а на митинге выступали как убежденные большевики. Учитывая последнее обстоятельство, местные красногвардейцы не могли полагать, что чехословаки выступят на стороне белогвардейцев.

В течение апреля – начала мая 1918 г. взаимоотношения между советской властью и чехословаками начали быстро ухудшаться. Чехословацкий корпус оказался заложником «большой политики», международных альянсов России, Франции и Германии [26. С. 327, 356, 357, 384–387].

Советская власть начала вести работу по формированию силы, способной к борьбе с контрреволюционным движением. Одними из первых на призыв отзывались военнопленные, особенно военнопленные Австро-Венгерской и Германской империи (не славяне).

Сначала движение среди военнопленных не имело организованного руководства, несмотря на присутствие в Москве Австросовета [30. С. 68]. «Совет бывших австро-венгерских граждан в советской России» революционным порядком перенял дела Австро-Венгерской миссии по делам военнопленных 6 ноября 1918 г. и был признан всеми советами на местах своим центром [31. Л. 1]. Австросовет, занятый организационными делами, такими как признание его единственным представителем прав граждан бывшей Австро-Венгрии в России, не мог выделить время на рассмотрение вопросов об организации вооруженных отрядов из военнопленных. Поэтому возникновения вооруженных отрядов из военнопленных носили поначалу случайный характер и развивались лишь там, где больше всего разгоралась гражданская борьба.

Значение вооружения военнопленных, стоявших на платформе советской власти, и их использование в борьбе с контрреволюцией в первую очередь осознали местные советы и находящиеся при них органы Губчека.

Из сформированных отрядов интернационалистов на территории Сибири особенно выделялись отряды интернационалистов: в Омске – 300 человек; Томске – батальон численностью более 300 человек; Новониколаевске – 800 человек; Красноярске – отряд численностью около 200 бойцов; Иркутске – около 300 человек [10. С. 13, 35, 38; 32. С. 87; 33. С. 66], как активные участники гражданской борьбы в Советской России.

Помимо этого, имелось бесчисленное количество мелких отрядов интернационалистов при штабах фронтов, армий, уездных исполнительных комитетов и уездных чрезвычайных комиссиях, которые никакой регистрации и учету не подвергались.

Вопрос об использовании военнопленных для вооруженной борьбы с контрреволюцией, решенный практически на местах, не находил своего разрешения в Центре. Наркомвоен Л.Д. Троцкий, как видно из его приказов, колебался в вопросе использования военнопленных во внутренних расприх России. Опираясь на опыт с чехословацкими легионерами, он признал необходимым организацию вооруженных отрядов из военнопленных по национальному признаку не свыше одного батальона [30. С. 69].

Несмотря на эти директивы, никто на местах с ними не считался, в отряды интернационалистов принимались все военнопленные без различия национальностей, и на фронтах наравне с чехами дрались немцы, венгры, сербы и др. Так, например, из сообщения начальника чешского отряда Красной армии Ярослава Гашека явствует, что его отряд начал формироваться 15 апреля 1918 г. из чехословаков и сербов, не желающих выехать во Францию с корпусом. «Все поступили в отряд по своему убеждению и осознанию для углубления революции... Число членов к 27 мая 1918 г. 120 человек. Из них 2/3 чехословаков и 1/3 сербов, но я убежден, что в течение месяца мы сформируем несколько рот-полк, т.к. наша агитация теперь успешно действует» [34. Л. 47].

В 1918 г. в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии и белых армий сражались 300 тыс. интернационалистов (среди них следует отметить, например, И. Броз Тито, И. Надя, Б. Куна) и 127 тыс. легионеров из числа бывших военнопленных [35. С. 630].

Общую координацию действий чехословацкого корпуса с 23 мая принял на себя «Временный исполнительный комитет чехословацкого войска». Этот чрезвычайный орган немедленно разослал всем поездом и частям корпуса приказ: «Оружия нигде советам не сдавать, самим столкновений не вызывать, но в случае нападения защищаться, продвижение на восток продолжать собственным порядком» [23. С. 59]. Вот это-то движение, в связи с попытками советской власти помешать ему, и явилось тем роковым для большевиков моментом, который решил их судьбу.

Открытие военных действий против большевиков началось почти одновременно в Челябинске, Новони-

колаевске, Мариинске и Нижнеудинске. 27 мая С. Войцеховский взял Челябинск. В тот же день Гайда телеграфирует по всей линии: «Всем эшелонам чехословаков. Приказываю по возможности сейчас же наступать на Иркутск. Советскую власть арестовывать. Отрезать Красную Армию, оперирующую против Семенова» [36. Л. 31]. В Новониколаевске руководство восстанием взял на себя капитан Р. Гайда, полковник и командир отряда действующего восточнее Омска, в Мариинске – капитан Кадлец. Получив известия о выступлении чехословаков в Мариинске и Канске, Красноярский губисполком на закрытом заседании 29 мая 1918 г. принял решение направить туда около 200 бойцов-интернационалистов [37. Л. 1].

Сводка Штаба Чехословацкого корпуса действующего на Восточном фронте за 22 июня гласит: «27 мая занят Нижнеудинск, Новониколаевск, Мариинск. 31 мая – Канск. 10 июня – Омск. 20 июня наши войска прошли через Красноярск. Железнодорожная линия от Самары на Волге до Нижнеудинска в наших руках. Так же и железнодорожная линия – Новониколаевск – Барнаул, Омск – Тюмень» [38]. Очевидно, что вся Транссибирская магистраль оказалась в руках чехов.

В первых боях с чехословаками вместе с частями Красной армии сражались отряды красноармейцев-интернационалистов. В Новониколаевске к моменту выступления чехов находилось небольшое количество советских войск. В военном городке располагался интернациональный батальон им. Карла Маркса, сформированный из бывших военнопленных, преимущественно венгров. В Барнауле имелось несколько небольших плохо обученных и слабо вооруженных отрядов Красной гвардии численностью 500 человек и рота интернационалистов, насчитывавшая 200 бойцов [8. С. 83–86].

В июне 1918 г. положение на Сибирской железной дороге в связи с продвижением чехов на Восток было таково: «Один эшелон находился на станции Иркутск, два на станции Иннокентьевская, один – Нижнеудинск, один – в Канске два – в Мариинске, два в Новониколаевске, один в Кургане и четыре – в Челябинске» [39]. Под прикрытием чешских штыков на всем востоке России стали формироваться антибольшевистские правительства, организовались белые армии – Народная армия Комитета членов Учредительного собрания в Поволжье и Сибирская армия Временного Сибирского правительства.

Совет министров Временного Сибирского правительства 30 июля 1918 г. выдал Грамоту чехословацким эшелонам, в которой говорилось о том, что Сибирское правительство «почитает долгом чести открыто и с благодарностью признать, что в общем ходе действий чехословацкие войска играют огромную роль, как в ускорении момента повсеместного признания его власти, так и в неизменной успешности военных действий» [Там же].

Летом 1918 г. политический деятель Чехословакии Э. Бенеш предложил сформировать на территории Чехословакии антисоветскую армию из пленных с тем, чтобы организовать одновременный удар этих войск с запада и войск чехов и белых с востока [40. С. 226].

Выступление чехословаков в Восточной Сибири слилось в единый фронт с белым движением на Забайкальском фронте. «Большевистские банды бегут, не задерживаясь даже на станциях. Паника среди них принимает катастрофический характер», — так писала право-эсеровская газета «Народная Сибирь» в 1918 г. Из воспоминаний А.С. Гендлина, активного участника большевистского подполья: «Пароход, привезший пленных большевиков, пришел в Красноярск 26 июля 1918 года. ...стали выводить и строить в ряды пленных для отправки в тюрьму. Конечно, при этом били. Конвоировали чехи... Чехи били прикладами ружей» [41. Л. 1–1 об.].

Местное население тех территорий, которые без особых трудностей занимали чехословацкие эшелоны, встречало их поначалу с энтузиазмом. «...все пленные, жительствовавшие в Красноярске, заявили <...> что желают пока остаться (в плену. — А.Г., Д.Г.) и не хотят ехать в Красноярск или быть отпущенными на свободу, боясь, что по прибытии они снова получат от Советской власти требование вступать в ряды Красной гвардии» [42]. 1 августа 1918 г. профессор Т. Масарик в Париже выпустил «воззвание» к «братьям-легионерам» в России, в котором особо подчеркивал, что врагами чехов в России «являются немцы и австрийцы, а также те единицы и части русского общества, которые соединились с ними против чехословаков и их союзников» [23. С. 60].

Тем не менее политика репрессий в отношении военнопленных началась, например, в Енисейской губернии, сразу после занятия чехословаками города Красноярска. На территории Енисейской губернии вышли приказы командующего войсками Енисейского района полковника Гулидова № 7 и 8 от 28 июня и 8 июля соответственно. В приказах предписывалось военнопленным, проживающим в г. Красноярске, «в трехдневный срок явиться к коменданту лагеря военнопленных, которому принимать и водворять их в лагерь. ...по истечению трехдневного срока все предприятия, учреждения и частные лица, у которых будут обнаружены проживающие или служащие военнопленные, будут привлечены, как и сами военнопленные, к судебной ответственности» [43. Л. 2].

К судебной ответственности согласно Приказу № 8 привлекались лица, ответственные за военнопленных, а военнопленные заключались в тюрьму за «свободное хождение по городу», не связанное с их службой в тех или иных учреждениях, за неимением на левом рукаве белой повязки с буквами «В.П.», за неуставное приветствие «при встрече с военнослужащими Сибирской армии и чехословаками», за участие в «каких бы то ни было профессиональных союзах и организациях» [Там же. Л. 3].

18 июля 1918 г. вышел приказ № 16, в котором оговаривались еще более строгие меры в отношении военнопленных. Всех военнопленных обязывали явиться к коменданту военного городка с имеющимися у них удостоверениями. «Все удостоверения, выданные на право жительства в городе военнопленным, должны быть подписаны комендантом военного городка и заведующим охраной чехословацкого караула в лагере военнопленных с должностными печатями...

Без должностных печатей и подписей упомянутых лиц» удостоверения считались недействительными [43. Л. 4]. Военнопленные, не явившиеся для проверки документов, «будут подвергаться самым строгим наказаниям военного времени» [Там же].

Таким образом, политическая власть при поддержке сильной военной власти, заработавшей себе авторитет на удавшейся попытке противопоставить себя советской власти, разделяла бразды административного правления на занимаемой территории.

В августе 1918 г. правительство Франции попыталось взять под свой контроль действия Чехословацкого корпуса. Для этого в Сибирь был направлен генерал Жанен с заданием организовать Восточный фронт против Германии и лояльных ей большевиков. Однако генерал Жанен добрался до Омска только в декабре 1918 г., когда ситуация в мире и настроения бойцов Чехословацкого корпуса кардинально изменились. В октябре 1918 г., когда стало ясно, что Германия и Австро-Венгрия вот-вот капитулируют, чехословаками все больше овладевало желание скорее вернуться домой. Некоторые части стали оставлять фронт, грузиться в эшелоны и отправляться на восток. Из-за таких настроений бойцов корпуса 25 октября застрелился командир 1-й Чехословацкой дивизии полковник Йозеф Швец. 28 октября 1918 г. Чехословакия стала независимой, и когда эта весть достигла корпуса, чехословаки в начале ноября начали процесс эвакуации из Уфы и Челябинска. Между тем война в Европе закончилась. Тема антигерманского фронта в России себя исчерпала. Легионеры больше не видели смысла воевать за антибольшевистские режимы — от либерально-демократических до монархо-диктаторских.

18 ноября 1918 г. в Омске произошел переворот, в результате которого во главе Белого движения на востоке России стал адмирал А.В. Колчак. Чехи весьма сдержанно отнеслись к подобному акту смены власти: «...несмотря на переворот... войска будут сражаться против большевиков» [44].

К этому времени (конец зимы и весна 1918–1919 гг.) чешская армия располагалась в тылу. Район их расположения начинался близ Омска и дальше тянулся на восток к Иркутску. Под Томском, около ст. Томск-2, был расположен целый чешский городок: дома здесь заменяли железнодорожные теплушки. Рельсы были проложены в несколько рядов и из эшелонов получались целые улицы. Под Томском стояла 1-я Чехословацкая стрелковая дивизия. То же самое можно было наблюдать и в Красноярске, в месте расквартирования 3-й стрелковой дивизии. Несколько больших зданий занимали чехи в центре города, под их контролем находился весь Военный Городок. Дальше на восток: на ст. Ключевная, на ст. Иланская и около неё в городе Канске, в Тайшете, в Нижнеудинске, Черемхове, весь Иркутск с пригородами. Во всех этих местах располагались по преимуществу пехота и артиллерия. На юге же от Новониколаевска к Барнаулу, к Бийску — по преимуществу чешская кавалерия. Тем не менее боеспособность корпуса продолжала падать. Его части еще участвовали в охранных и карательных операциях против красных партизан от Новониколаевска до Иркутска, но главным образом

их задействовали на хозяйственных работах: ремонте локомотивов, подвижного состава, железнодорожных путей. В ряде промышленных центров были открыты мастерские, на которых легионеры изготавливали обувь, конскую упряжь, шили униформы. На одном из таких предприятий в Екатеринбурге ежемесячно выпускалось около 15 тыс. пар сапог. Более половины из них поставлялись белогвардейским войскам.

По воспоминаниям Е.Е. Колосова, одного из видных деятелей партии социалистов-революционеров, «характерной чертой Красноярской жизни, как и вообще жизни сибирской, было многовластие» [45. С. 122]. Так, в Красноярске, кроме русской администрации, существовала ещё полувоенная администрация чехов войск. По замечанию того же Е.Е. Колосова «эта власть в некотором отношении более серьезная, чем власть русская» [Там же]. В Приказе Командующего Восточным фронтом полковника Гайды говорилось: «...все военнопленные, подданные центральных держав, если они действуют совместно с советскими войсками и будут пойманы с оружием в руках в бою, подлежат расстрелу или повешению...» [46. С. 146].

В связи с ухудшающимся экономическим положением в Сибири к лету 1919 г. Временное Сибирское правительство приняло новые Правила отпуска военнопленных на работы казенные, общественные и частные [47], которые значительно усугубили и без того тяжелое моральное, материальное и духовное положение военнопленных. Показательно в этом отношении вооруженное восстание 30 июля 1919 г. в военном городке Красноярска. Военнопленных в военном городке Красноярска тогда находилось более 8 000 человек. Активную работу среди военнопленных городка развернули красноярские большевики. Благодаря этому еще ранней весной 1919 г. здесь была создана подпольная организация венгров-коммунистов [48. Л. 5].

В ночь на 30 июля вспыхнуло вооруженное восстание среди части русского гарнизона и военнопленных, находившихся в военном городке, но силами чехословацких войск восстание было подавлено. Лагерь военнопленных заняли белочехи, потребовали выдать венгров-подпольщиков. 2-м батальоном 12-го чехословацкого полка «на основании сообщения контрразведки о существовании внутри лагеря военнопленных тайной организации, преследующей большевистские цели... был произведен обыск» [49]. В результате обыска в Красноярском лагере военнопленных было обнаружено много венгерской литературы враждебного агитационного содержания против чехословаков.

На запрос датского консула в Иркутске, под защитой которого находились военнопленные, представитель чехословацкого правительства Благош дал следующий ответ по вопросу о причинах расстрела венгерских военнопленных: «Вследствие результатов обыска по приказанию командира чехословацкой дивизии и начальника чехословацкого гарнизона в г. Красноярске была назначена следственная комиссия, снабженная правами скорого военно-полевого суда» [48. Л. 1]. «Комиссия эта... установила, что среди венгерских военнопленных существовала тайная организация с целью агитации и пропаганды, а также для организации преступных действий против

чехословацкой армии в России, что эта организация, зная тогдашнее положение между Чехословацкой и Венгерской республиками, подготавливала вооруженное нападение на чехословацкие войска в России...» [Там же. Л. 2]. По приговору чешского полевого суда руководители восстания были расстреляны.

Таким образом, вполне естественно, что в ответ на репрессии чехословаков в отношении немцев и мадяр последние начали обороняться, вступая в ряды Красной армии и формируя интернациональные батальоны, которые, как наиболее боеспособные части, уже большевики выставляли против чехословаков. В боях обе стороны отличались беспощадностью.

Уже позже, когда Красная армия вела наступления на всех фронтах, 13 ноября 1919 г. был опубликован Чешский меморандум. Его автор Б. Павлу отмечал следующее: «Под защитой чехословацких штыков местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избивание мирных русских граждан целыми сотнями, расстрелы без суда представителей демократии по простому обвинению в политической неблагонадежности составляют обычное явление» [50. С. 273]. Репрессии по отношению к мирным жителям – одно из следствий не только гражданской войны. И чтобы как-либо смягчить этот режим, был издан Приказ по войскам сибирской армии от 6 мая 1919 г. за № 275 за подписью генерала Гайды: «...самочинные расправы, порки, расстрелы и даже карательные экспедиции чинимые представителями власти, к сожалению, не прекращаются. Всех, кто будет самочинно производить экзекуции, расправы и расстрелы, я буду придавать военно-полевому суду как за истязание и обыкновенное убийство» [45. С. 140]. Через полгода с таким же официальным осуждением самочинных расправ выступил генерал Дитерихс, назначенный тогда начальником штаба верховного главнокомандующего: «...не допускать намеренного в виде кары сжигания деревень, как меры, приносящей при условии непричастности к восстанию, хотя бы небольшой части населения деревни, лишь вред государственному делу» [Там же]. (Приказ за № 7 437 от 12 октября 1919 г.)

Оказавшись втянутыми в Гражданскую войну, находясь далеко от своей родины, командование Чехословацкого корпуса шло на любые компромиссы, все для того, чтобы вернуться домой. Когда командующему чехословаками генералу Сыровому, задержавшему на ст. Красноярск поезд верховного правителя Колчака, пришло письмо от партизан Черемхова, в котором содержалась угроза взорвать железнодорожные мосты «на реках Сибирской Оке, Унге, Сибирской Белой» и остаться без угля для продолжения следования к «берегам Великого океана», ему ничего не оставалось, как выдать адмирала.

Во-первых, война против большевиков – следует это помнить – не стала для чехов войной против русских. Для легионеров были понятны и оправданы военные действия против «интернациональных бригад», состоявших из враждовавших с чехами венгров, австрийцев и немцев и сформированных из бывших военнопленных

австро-венгерской и германской армий. Против них сражались с большим ожесточением, пленных с обеих сторон не брали. В то же время русские, красноармейцы, сдававшиеся в плен, как правило, направлялись на пополнение частей Народной армии Комуча. На чешские полки обывательское население Сибири смотрело как на полки освободителей от «большевистского ига», считало их составной частью белой, российской армии.

Во-вторых, следует учитывать, что изначально к чехам на территории Сибири относились не как к иностранцам, а как к «братьям»-славянам. Но в конце, после двух лет Гражданской войны, началом которой страна обязана чешскому выступлению в конце мая 1918 г., Сибирь оказалась в гораздо худшем положении, чем до начала выступления, а чехи заявили себя типичными иностранцами, и их политические представители вели сношения с правительством международными «нотами».

В-третьих, нельзя не учитывать роли чехов во всех сибирских событиях периода Гражданской войны. В тылу чехи вели совместно с белогвардейцами боевые действия и против партизан Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока, а также несли службу по охране Транссибирской железной дороги и исполняли функции административно-военной власти. Поэтому чехи, покидая страну, сочли нужным как бы оправдаться перед русским общественным мнением, опубликовав свое «обращение к Сибири». «Мы поддерживали демократию и помогали бороться с реакцией» [23. С. 61], – вот основной мотив чешского обращения.

В-четвертых, идеологическое противостояние в России закончилось победой большевиков. Не последнюю роль в этом сыграли огромные массы во-

еннопленных, находившиеся на территории необъятной России. Кропотливая агитационная работа большевиков среди военнопленных принесла свои плоды. Акцент делался на том, что военнопленные в большей своей массе были простыми тружениками, рабочими и крестьянами, мирно выполнявшими свою работу. «Пролетарское правительство», борясь за экономические и политические права российских рабочих, приравнивало и военнопленных к этой категории. Желавшие скорого возвращения на родину военнопленные видели единственно возможный выход из сложившейся ситуации – принять участие в событиях, происходивших на территории их плена. Можно сказать, что большевики были отличными психологами: идеологически обработав и подготовив ярых коммунистов из среды военнопленных, последние оставались среди военнопленных, распространяя идеи социалистического братства и мировой социалистической революции.

И, в-пятых, источники содержат информацию о том, что Сибирь стала ярким примером того фронта борьбы, на котором столкнулись не только интересы разных политических сил о государственном устройстве страны, но и национальные интересы военнопленных. Здесь следует оговориться, что противостояние между немцами, мадьярами и чехословаками имело в своей основе юридически нерешенные государственно-территориальные претензии, возможность отстоять свои права представилась чехословакам, которые не замедлили ею воспользоваться. Однако становится очевидным и тот факт, что чехословаки были удобной профессиональной военной силой, используемой французским правительством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов Н.А. Революционные выступления военнопленных в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 1963. № 2.
2. Лисяцкий А.М. Из истории пролетарского интернационализма (участие иностранцев в революционной борьбе трудящихся России в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции) // Труды Харьковского политехнического института имени В.И. Ленина. Вып. I, т. XIII. Харьков, 1961.
3. Хильченко М.П. Интернационалисты на Урале (1917–1918 гг.). Из истории партийных организаций. Свердловск, 1963.
4. Kvasnicka J. Československé legie v Rusku 1917–1920. Bratislava, 1963.
5. Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России 1914–1921 гг. М., 1965.
6. Жилак А. Великий Октябрь и революционное движение военнопленных венгров в России (1917–1918 гг.) // Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965. С. 117–149.
7. Штригниц С. Из истории революционного движения среди немецких военнопленных в России накануне Октябрьской революции // Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965.
8. Интернационалисты. М.: Наука, 1971.
9. Колмогоров Н.С. Красные мадьяры (венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Омске. 1917–1919 гг.). Новосибирск, 1970.
10. Данилов В.А. Интернационалисты на Урале и в Сибири. Свердловск, 1972.
11. Чузунов Н.Н. Революционная деятельность Белы Куна в Томске // Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. М., 1980. С. 25–37.
12. Карпенко З.Г. Участие венгерских интернационалистов в борьбе за установление и укрепление советской власти в Кузбассе // Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. М., 1980. С. 38–44.
13. Азалаков В.Т. Венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Восточной Сибири // Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. М., 1980. С. 45–54.
14. Шерешевский Б.М. О некоторых вопросах изучения участия венгерских интернационалистов в борьбе за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917 – 1922 гг. // Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. М., 1980. С. 228–237.
15. Левчук А.П. Еще раз о «проданном корпусе»: К вопросу о возникновении чехословацкого мятежа // Из истории революций в России: первая четверть XX в.: Вып. 2. Томск, 1996.
16. Новиков П.А. Части чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май–август 1918 г.) // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2000. № 8.
17. Солнцева С.А. Военный плен в годы Первой мировой войны (новые факты) // Вопросы истории. 2000. № 4.
18. Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007.
19. Константинов С.И. Вооруженные формирования антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны: дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1998.
20. Воронов В.Н. Вооруженные формирования на территории Сибири в период Гражданской войны и военной интервенции 1917–1922 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999.

21. Каревский А.И. Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима – осень 1918 г. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
22. Лапандин В.А. Восстание чехословацкого корпуса: к проблеме оценки причин и характера // Вестник Самарской экономической академии. 2001. № 1. С. 140–145.
23. Цветков В. Мятаж: Чехословацкий корпус на полях Гражданской войны // Родина. 2001. № 6. С. 55–61.
24. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3333. Оп. 3. Д. 576.
25. ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 2. Д. 64.
26. Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1.
27. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П. 64. Оп. 5. Д. 379.
28. Доклад Масленкино-Непомнящего «О возникновении Мариинского фронта против чехословаков. 1918 г.» // ГАКК. Ф. П. 64. Оп. 5. Д. 411.
29. ГАКК. Ф. П. 64. Оп. 5. Д. 439. Л. 5.
30. Шипек А. Военнопленные и их использование в мировой и Гражданской войне // Война и революция. 1928. № 2.
31. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 230.
32. Мюнних Ф. Военнопленные-интернационалисты в борьбе за власть Советов // В огне революционных битв: сб. воспоминаний. Томск, 1964.
33. Гордеев О.Ф. Интернационалисты-красногвардейцы // Енисей. 1986. № 2.
34. Российский государственный военный архив. Ф. 10. Оп. 1. Д. 298.
35. Мировые войны в XX веке. Первая мировая война. М., 2002. Кн. 1.
36. ГАРФ. Ф. 151. Оп. 1. Д. 11.
37. ГАКК. Ф. П. 64. Оп. 1. Д. 708.
38. Свободная Сибирь. 1918. 28 (15) июня. № 87 (249).
39. Известия отряда чехо-словацких войск. 1918. 14 июня.
40. Щеров И.П. Миграционная политика в России 1914–1922 гг. Смоленск : СГПУ, 2000.
41. ГАКК. Ф. П. 64. Оп. 5. Д. 133.
42. Свободная Сибирь. 1918. 30 (17) июня.
43. ГАКК. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 1.
44. Воля Сибири. 1918. 26 ноября.
45. Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке: воспоминания, материалы, документы. Пг., 1923.
46. Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР. М., 1968. Т. 2.
47. Правительственный вестник. 1919. 19 июня. № 163.
48. ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 839.
49. Енисейский вестник. 1919. (18) 31 июля. № 157.
50. Переписка на исторические темы. М., 1989.

Статья представлена научной редакцией «История» 02 сентября 2014 г.

THE CZECHOSLOVAK CORPS AND WORLD WAR I PRISONERS OF WAR DURING THE CIVIL WAR IN SIBERIA (1918–1920)

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 109–116. DOI 10.17223/15617793/390/19

Gergileva Alla I. Siberian Federal University (Omsk, Russian Federation). E-mail: gerg-all@rambler.ru

Gergilev Denis N. Siberian State Technological University (Omsk, Russian Federation). E-mail: turilak@yandex.ru

Keywords: Czechoslovak Corps; Civil War; World War I prisoners of war; internationalists; Siberia; Germans; Austrians; Hungarians.

Russia's withdrawal from the World War I after the signing of the Brest peace was a catalyzing factor for the onset of the Civil War in the country. The war involved prisoners of war, delayed their repatriation until the end of hostilities between the warring parties and the establishment of legitimate authority in Russia that would be capable of carrying out its international obligations with respect to matters concerning the rights of prisoners of war. Revolutions in Germany and Austria-Hungary, fighting in the western regions of Russia also interrupted the negotiating process and the evacuation of prisoners of war. A lot was done by the Bolsheviks in forming groups of internationalists from prisoners of war, mostly from the Hungarians, Austrians, Germans, as well as by the White Army generals in bringing Legionnaires of the Czech Corps to military operations against the Bolsheviks. The stake in the use of international force was placed on the national dislike between the Hungarians, Austrians, Germans, on the one hand, and the Czechoslovaks, on the other. The war against the Bolsheviks did not become the war against the Russians for the Czechs. Legionnaires fought with particular ferocity with international teams which consisted of former German, Austrian and Hungarian prisoners. At the rear, the Czechs and the Whites fought against the guerrillas of Siberia, Transbaikalia and Far East, protected the Trans-Siberian railroad and performed the functions of administrative and military power. The ideological opposition in Russia ended with the victory of the Bolsheviks. "The proletarian government", fighting for economic and political rights of Russian workers, treated the prisoners of war equivalently. Prisoners of war longing for a prompt return to their homeland saw the only possible way out of this situation – to participate in the events occurring in the territory of their captivity. Siberia became a bright example of the struggling front where not only the interests of various political forces on the polity of the country collided, but also the national interests of prisoners of war were involved. The confrontation between the Germans, Hungarians and the Czechs was based on the legally unsettled state-territorial claims. The Czechoslovaks were granted a real opportunity to defend their right and they quickly used the chance. However, it is obvious that they were a convenient professional military force the French government used in the fight against the Soviets.

REFERENCES

1. Popov N.A. Revolyutsionnye vystupleniya voennoplennykh v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny [Revolutionary actions of prisoners of war in Russia during the First World War]. *Voprosy istorii*, 1963, no. 2.
2. Lisyskiy A.M. Iz istorii proletarskogo internatsionalizma (uchastie inostrantsev v revolyutsionnoy bor'be trudyashchikhsya Rossii v period podgotovki Velikoy Okt'yabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii) [From the history of proletarian internationalism (foreign participation in the revolutionary struggle of the working people of Russia in the period of preparation for the Great October Socialist Revolution)]. *Trudy Khar'kovskogo politekhnicheskogo instituta imeni V.I. Lenina*, 1961, issue I, vol. XIII.
3. Khil'chenko M.P. *Internatsionalisty na Urale (1917–1918 gg.)*. Iz istorii partinykh organizatsiy [Internationalists in the Urals (1917–1918). From the history of the party organizations]. Sverdlovsk, 1963.
4. Kvasnicka J. *Ceskoslovenske legie v Rusku 1917–1920*. Bratislava, 1963.
5. Klevanskiy A.Kh. *Chekhoslovatskie internatsionalisty i prodannyy korpus. Chekhoslovatskie politicheskie organizatsii i voinskie formirovaniya v Rossiyu 1914–1921 gg.* [Czechoslovak internationalists and sold corps. Czechoslovak political organizations and military units in Russia in 1914–1921]. Moscow: Nauka Publ., 1965.

6. Zhilak A. *Velikiy Oktyabr' i revolyutsionnoe dvizhenie voennoplennyykh vengrov v Rossii (1917–1918 gg.)* [The Great October Revolution and the revolutionary movement of Hungarian prisoners of war in Russia (1917–1918)]. In: *Internatsionalisty v boyakh za vlast' Sovetov* [Internationalists in the battle for the power of the Soviets]. Moscow: Mysl' Publ., 1965, pp. 117–149.
7. Shtrignits S. *Iz istorii revolyutsionnogo dvizheniya sredi nemetskikh voennoplennyykh v Rossii nakanune Oktyabr'skoy revolyutsii* [From the history of the revolutionary movement among the German prisoners of war in Russia on the eve of the October Revolution]. In: *Internatsionalisty v boyakh za vlast' Sovetov* [Internationalists in the battle for the power of the Soviets]. Moscow: Mysl' Publ., 1965.
8. *Internatsionalisty* [Internationalists]. Moscow: Nauka Publ., 1971. 288 p.
9. Kolmogorov N.S. Krasnye mad'yary (vengerskie internatsionalisty v bor'be za vlast' Sovetov v Omske. 1917–1919 gg.) [Red Magyar (Hungarian internationalists in the struggle for Soviet power in Omsk. 1917–1919)]. Novosibirsk: Zap.-cib. kn. izd-vo Publ., 1970. 135 p.
10. Danilov V.A. *Internatsionalisty na Urale i v Sibiri* [Internationalists in the Urals and Siberia]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1972. 150 p.
11. Chugunov N.N. *Revolutsionnaya deyatel'nost' Bely Kuna v Tomske* [Revolutionary activity of Bela Kun in Tomsk]. In: Okladnikov A.P. (ed.) *Vengerskie internatsionalisty v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 1917–1922 gg.* [Hungarian internationalists in Siberia and the Far East. 1917–1922]. Moscow: Nauka Publ., 1980, pp. 25–37.
12. Karpenko Z.G. *Uchastie vengerskikh internatsionalistov v bor'be za ustanovlenie i ukreplenie Sovetskoy vlasti v Kuzbasse* [Participation of Hungarian internationalists in the struggle for the establishment and consolidation of Soviet power in Kuzbass]. In: Okladnikov A.P. (ed.) *Vengerskie internatsionalisty v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 1917–1922 gg.* [Hungarian internationalists in Siberia and the Far East. 1917–1922]. Moscow: Nauka Publ., 1980, pp. 38–44.
13. Agalakov V.T. *Vengerskie internatsionalisty v bor'be za vlast' Sovetov v Vostochnoy Sibiri* [Hungarian internationalists in the struggle for Soviet power in Eastern Siberia]. In: Okladnikov A.P. (ed.) *Vengerskie internatsionalisty v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 1917–1922 gg.* [Hungarian internationalists in Siberia and the Far East. 1917–1922]. Moscow: Nauka Publ., 1980, pp. 45–54.
14. Shereshevskiy B.M. *O nekotorykh voprosakh izucheniya uchastiya vengerskikh internatsionalistov v bor'be za vlast' Sovetov v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 1917–1922 gg.* [On some issues of examining the involvement of Hungarian internationalists in the struggle for Soviet power in Siberia and the Far East. 1917–1922]. In: Okladnikov A.P. (ed.) *Vengerskie internatsionalisty v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 1917–1922 gg.* [Hungarian internationalists in Siberia and the Far East. 1917–1922]. Moscow: Nauka Publ., 1980, pp. 228–237.
15. Levchuk A.P. *Eshche raz o "prodannom korpuse": (K voprosu o vznikenii chekhoslovatskogo myatezha)* [Once again on the "sold corps" (On the question of the origin of the Czechoslovak mutiny)]. In: *Iz istorii revolyutsii v Rossii: pervaya chetvert' XX v.* [From the history of revolutions in Russia in the first quarter of the 20th century]. Tomsk: TSU Publ., 1996. Issue 2.
16. Novikov P.A. *Chasti chekhoslovatskogo korpusa v Vostochnoy Sibiri (may–avgust 1918 g.)* [Part of the Czechoslovak Corps in Eastern Siberia (May–August 1918)]. *Belaya armiya. Beloe delo*, 2000, no. 8.
17. Solntseva S.A. *Voennyi plen v gody Pervoy mirovoy voyny (novye fakty)* [Military prison during the First World War (new facts)]. *Voprosy istorii*, 2000, no. 4.
18. Gergileva A.I. *Voennoplennyye Pervoy mirovoy voyny na territorii Sibiri* [POWs of World War I on the territory of Siberia]. Krasnoyarsk: SibSTU Publ., 2007. 123 p.
19. Konstantinov S.I. *Vooruzhennyye formirovaniya antibolshevistskikh pravitel'stv Povolzh'ya, Urala i Sibiri v gody Grazhdanskoy voyny: dis. d-ra ist. nauk* [Armed forces of anti-Bolshevik governments of the Volga, Urals and Siberia during the Civil War. History Dr. Diss.]. Ekaterinburg, 1998.
20. Voronov V.N. *Vooruzhennyye formirovaniya na territorii Sibiri v period Grazhdanskoy voyny i voennoy interentsii 1917–1922 gg.: dis. d-ra ist. nauk* [Armed forces in Siberia during the Civil War and military intervention of 1917–1922. History Dr. Diss.]. Moscow, 1999.
21. Karevskiy A.I. *Voennoe stroitel'stvo pravitel'stv "demokraticheskoy kontrevolyutsii" v Povolzh'e, na Urale i v Sibiri. Zima – osen' 1918 g.: dis. kand. ist. nauk* [Military construction of democratic counter-revolution governments in the Volga region, the Urals and Siberia. Winter – Fall 1918. History Cand. Diss.]. Moscow, 2001.
22. Lapandin V.A. *Vosstanie chekhoslovatskogo korpusa: k probleme otsenki prichin i kharaktera* [Mutiny of the Czechoslovak Corps: the problem of assessing the causes and nature]. *Vestnik Samarskoy ekonomicheskoy akademii*, 2001, no. 1, pp. 140–145.
23. Tsvetkov V. *Myatezh: Chekhoslovatskiy korpus na polyakh Grazhdanskoy voyny* [Mutiny: Czechoslovak Corps in the fields of Civil War]. *Rodina*, 2001, no. 6, pp. 55–61.
24. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 3333. List 3. File 576.
25. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 3333. List 2. File 64.
26. *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1957. Vol. 1.
27. State Archive of Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P. 64. List 5. File 379.
28. *Doklad Maslenkino-Nepomnyastchego "O vznikenii Mariinskogo fronta protiv chekhoslovakov. 1918 g."* [Report of Maslenkino-Nepomnyastchey "On the origin of the Mariinsky front against the Czechs. 1918"]. State Archive of Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P 64. List 5. File 411.
29. State Archive of Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P. 64. List 5. File 439. Page 5.
30. Shippek A. *Voennoplennyye i ikh ispol'zovanie v mirovoy i Grazhdanskoy voynе* [Prisoners of war and their use in the world and civil wars]. *Voyna i revolyutsiya*, 1928, no. 2.
31. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1235. List 1. File 230.
32. Myunnikh F. *Voennoplennyye-internatsionalisty v bor'be za vlast' Sovetov* [Prisoners of war, internationalists, in the struggle for Soviet power]. In: *Vogne revolyutsionnykh bitv: sb. vospominaniy* [In the fire of revolutionary battles: memories]. Tomsk, 1964.
33. Gordeev O.F. *Internatsionalisty-krasnogvardeytsy* [Internationalists, the Reds]. *Enisey*, 1986, no. 2.
34. The Russian State Military Archive. Fund 10. List 1. File 298.
35. *Mirovye voyny v XX veke. Pervaya mirovaya voyna* [The World Wars in the 20th century. The First World War]. Moscow, 2002. Book 1.
36. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 151. List 1. File 11.
37. State Archive of Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P 64. List 1. File 708.
38. *Svobodnaya Sibir'*, 1918, 28 (15) June, no. 87 (249).
39. *Izvestiya otryada chekho-slovatskikh voysk*, 1918, 14 June.
40. Shcherov I.P. *Migratsionnaya politika v Rossii 1914–1922 gg.* [Migration policy in Russia in 1914–1922]. Smolensk: SSPU Publ., 2000. 316 p.
41. State Archive of Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P 64. List 5. File 133.
42. *Svobodnaya Sibir'*, 1918, 30 (17) June.
43. State Archive of Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund R-1800. List 1. File 1.
44. *Volya Sibiri*, 1918, 26 November.
45. Kolosov E.E. *Sibir' pri Kolchake: vospominaniya, materialy, dokumenty* [Siberia under Kolchak: memories, documents]. Petrograd: Byloye Publ., 1923. 190 p.
46. Ryabukhina O.S., Khodak A.A. (eds.) *Vengerskie internatsionalisty v Oktyabr'skoy revolyutsii i Grazhdanskoy voynе v SSSR* [Hungarian internationalists in the October Revolution and the Civil War in the USSR]. Moscow: Politizdat Publ., 1968. Vol. 2.
47. *Pravitel'svennyy vestnik*, 1919, 19 June, no. 163.
48. State Archive of Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P-64. List 5. File 839.
49. *Eniseyskiy vestnik*, 1919. (18) 31 iyulya, no. 157.
50. *Perepiska na istoricheskie temy* [Correspondence on historical themes]. Moscow, 1989.

Received: 02 September 2014